
Н.П. Огарев. Избранное
М., "Художественная литература", 1977
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Прежде всего мы должны извиниться в недостатках этого издания. Неполнота и ошибочность рукописей, затруднительность получать книги из России – не раз ставили нас в невозможность исправить, что казалось ложным для уха и смысла, и вовлекали к печатанию уже напечатанного в России {У нас даже нет гениальнейшего издания Пушкина. Из напечатанных в России стихотворений мы заведомо поместили только одну пьесу Пушкина: "Нет, я не дорожу мятежным наслаждением" – каемся – только потому, что нам стало жаль не поместить ее. Мы просим читателей взглянуть в примечания в конце книги, чтобы заметить стихотворения, к которым они относятся. Наши, увы, слишком немногие сведения доставались нам в продолжение печатания книги, и потому мы не могли в тексте поместить знаки сносок на примечания. <Прим. Огарева.>}. Последнее, конечно, неисправимо, зато и неважно; но первое заставляет нас просить наших почтенных библиофилов присылать нам поправки и пополнять пропуски, доставлять – насколько возможно – сведения о годах, когда какое стихотворение было написано, по какому поводу, с каким участием или равнодушием бывало принимаемо публикою. Подобные сведения помогли бы нам, со временем, дать нашему сборнику настоящее значение, объяснить впечатления общественной жизни на пишущих, проследить связь истории с личной деятельностью, состояние самого общества, его образ мыслей и настроение, силу и бессилие, ход его падений и возмужаний, указать разом на общность его движения и на отдельные попытки мелких и крупных деятелей. Наступило время пополнить литературу цензурированную литературой потаенной, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась нежданно то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу. В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений. Конечно, в задачу должен бы входить не только стихотворный отдел, но и проза. Но прозу собрать гораздо труднее, чем кажется. Она разбросана в мемуарах и частных письмах, известных только немногим и тщательней скрываемых, чем стихи, из боязни слишком определенно подвернуться под долгую лапу жандарма. Проза научная, не доступная пониманию цензора, вероятно, представляет немного пропусков, и потому рукописи редко сохранялись; отдел повестей, не пропущенных, цензурой, также не может быть обширен, но записки и письма... дело великое. Проследить – как к общему делу относились таланты всех размеров, кто и как принимал участие, как известный взгляд на вещи, общая скорбь и общая надежда отзывались в даровитых писателях, как заставляли хвататься за перо и менее даровитых, но сердцем чистых людей, и как вынуждали подать голос и таких, которые в сущности не были люди, общему делу преданные, но подчинялись веянию, бывшему в воздухе, – это задача, достойная разработки. Если наши библиофилы помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития; наше столетие для нас так же важно, как XVIII столетие для Франции, и имеет с ним бесконечно много общего, о чем мы еще поговорим, хотя и не в этом предисловии. Но, покуда у нас нет средств добраться до прозаической потаенной литературы, мы начинаем наш сборник с стихотворного отдела и попытаемся проследить наше гражданское движение в стихотворной литературе.

Мы собирали и станем собирать все, что возможно, все, что было и что теперь прибывает. Мы не гонялись за выбором произведений исключительно художественных. Мы не устраним – как еще недавно было общепринятым мнением – возможность совпадения политического содержания с изящно-поэтической формой. Мы убеждены, что в нее способно облечься всякое живое содержание. Красота женщины, колышание моря, любовь и ненависть, философское раздумье, тоска Петрарки, подвиг Брута, восторг Галилея перед великим открытием и